

1795 — АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГРИБОЕДОВ — 1945

Грибоедов принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа. «Горе от ума» есть произведение таланта могучего, драгоценный перл русской литературы.

В. Г. Белинский

СВЕТОЧ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Грибоедов сыграл великую роль в истории русской культуры. «Горе от ума» — не только одно из высочайших произведений нашего национального искусства, но и динамическая ода русской культуре, охватывающая глубокое и разнообразное воздействие на общественную мысль, художественную литературу и театр.

Философские, общественно-политические и литературные мнения Грибоедова сложились в атмосфере этой борьбы, и все его творчество в целом, а «Горе от ума» в первую очередь, представляет собою одно из наиболее отчетливых проявлений декабристской революционной идеологии в сферах искусства.

В этой связи возникает важный вопрос о том, как решал Грибоедов проблему русской национальной культуры. Это существование для правильного исторического осмысления «Горя от ума» и всего творческого наследия Грибоедова.

Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неопишанное действие и вдруг поставила его на ряду с первыми нашими поэтами.

А. Пушкин

ВЫСОКИЕ ЧУВСТВА

Можно говорить о бессмертии «Горя от ума», как о художественном полотне, отразившем великую эпоху русской жизни. Можно говорить о замечательном мастерстве Грибоедова-драматурга, о великом таланте его комедии, о той «соли и мудрости» грибоедовского слова, которое живет и будет жить в нашей речи.

Умрут, как давно умерли герои Грибоедова, те пороки, которые заклеймили писатель. Но гениальное творение великого мастера будет жить и волновать сердца людей, ибо это — создание глубокого ума и чувства, выражение мыслей и стремлений, вечно дорогих и близких человеку.

Контраст между Чацким и той средой, в которой он врастает, — это не только столкновение ума с глупостью, переломных идей с косностью, искренности с лицемерием. Это прежде всего столкновение личности с большой массой, утверждение высокой ценности человеческой личности, с одной стороны, и отрицание человеческого достоинства — с другой.

Самые различные проявления мелочности, низости и пошлости рисует Грибоедов в живой галерее представителей фамусовской Москвы. Но особенно отталкивает в каждом из них полное отсутствие чувства собственного достоинства, презрение к человеку.

Чинный барин Фамусов, требующий к себе уважения соответственно своему положению и связям, нецелком использует нехитрую жизненную мудрость Молчалина; и для того и для другого самое важное в человеке — это умение «сгибаться в перегиб», когда того потребуют обстоятельства, не сметь «своего сужения иметь».

В знаменитом Максиме Петровиче, в «москвитинских тузах» Фамусова больше всего восхищает именно это. Элементарное проявление чувства собственного достоинства в других людях вызывает у ласкового-Молчалиных испуганные восклицания: «Как можно!», «Ведь надобно же зависеть от других»; у господ Фамусовых — грозные обвинения: «Он вольность хочет проповедать!», «Да он властей не признает!». Все окружающие люди для Фамусовых, Хлестовых, Тугоуховских делятся на две категории: тех, перед которыми надо преклоняться, не стаясь любимого унижения, и тех, над которыми можно надеяться, кто сам угодливо сгибается перед ними.

Впрочем, есть, пожалуй, и третья категория, о которой так неподражаемо говорит Скалозуб: «Довольно счастлив я в товарищах моих, Вакансии как раз открыты: То старших выключат иных, Другие, смотришь, перебиты».

Моральная оценка, этических критериев для них не существует. Пусть перед ними «лукашка, картежник, вор», но «если только он «мастер услужить», для него раскрыты все двери; будь он «хоть честный человек, хоть нет, для нас равняемся, про всех готов обед», ибо «у нас ругают все и всюду принимают».

Этому миру рабства и душевной пустоты, этому странному «беззубию» в комедии Грибоедова противопоставлен человек, в котором особенно ярко выражено человеческое: честь, гордость, благородство, неукротимое стремление к свободному и явленному своей личности, своих склонностей и стремлений. В «толпе лучилелей», в среде, отравленной лжью и лицемерием, Чацкий горит, беззащитно одиноко. «Милон терзаний» разрывают его грудь, горячие, но бесплодные слова невинности обращают он к этой не желающей слушать его толпе разъяренных кукол; и эти терзания, это одиночество, конечно, результат не только умственного превосходства Чацкого над окружающими его людьми. Чацкий не только очень умен — он благороден и честен, искренен и горд, и ему страшно и душно в этой среде не только потому, что его не понимают, но и потому, что в ней «все та же глупость и ступень, и пусто и мертво», что здесь «неистребима вражда к свободной жизни», к стремлениям ума, «лучшего познания», к благородному жару души, рвущейся к красоте, к творческому и прекрасному».

Страстная жажда жизни, полной, осмысленной, человеческой в самом высоком смысле этого слова, горячее утверждение права человека на такую жизнь — вот что питает зловонные монологи Чацкого. Глубочайшая трагедия его в том, что жаждо стремившийся к людям, к «престижу встреч» и радости «живого участия», он тем не менее ощущает себя «потерянным в многолюдстве». Мысли Чацкого, писал Белинский, «выходят из благородного начала, из былого горячим ключом источника жизни. Его остроумие вытекает из благородного и энергического негодования против того, что он... почитает дурным и унижающим человеческое достоинство».

Ценность и цельность человеческой личности, достоинство человека всегда и во всем для Чацкого на первом плане. Он проносит смелые, обязательные речи против крепостничества, он не может примириться с тем попранием человеческого достоинства, которое неизбежно связано с правом одних людей распоряжаться судьбой других.

Чацкий разражается пламенной тирадой против нечеловечной молы на все иностранное, против «алкой толпности по стороне чужой». В его полных негодования и жести словах, битующих всех этих приверженцев «шутовских образов», в его горячих обращениях к народу, которому чуждо и невинно это «рабское, слепое подражанье», слышится боль оскорбленного достоинства человека и гражданина, узавленного чувство национальной гордости.

В горькие, полные тагостных сомнений минуты, когда ему кажется, что Софья любит другого, но одна лишь ревность жжет его сердце. Добиваясь имени счастливого избранника, он больше всего хочет узнать, достоин ли тот любви Софьи: «но Вас он стоит-ли? Вот Вам один вопрос». И в самый тяжелый для него миг, когда он узнает об измене Софьи, больше, чем горечь потерь, больше, чем мучил разбитых надежд, гнетет его сознание, что его чувство грубо оскорблено, что так унизили он себя, «страстно и низко реточная нежные слова».

В своей статье «Милон терзаний» Гончаров сравнивал Чацкого с лучшими людьми тогдашней России, с Белинским и Герценом. В сарказмах Герцена он слышал «ах грибоедовского смеха и бесконечное развитие остроумия Чацкого», в горячих импровизациях Белинского он слышал «те же мотивы и тот же тон», что в речах Чацкого, и с болью писал, что, подобно Чацкому, Белинский «умер, уничтоженный «милон терзаний», убитый лихорадкой ожидания и не дожидаясь исполнения своих грез».

То, что во времена Чацкого и Белинского было лишь грезой, стало теперь явью. Человек, его счастье, его достоинство — во имя этого живет и борется наш народ. И высокие, гуманистические мысли и чувства бессмертной комедии Грибоедова навсегда останутся близки и дороги нам, как вечное утверждение ценности человеческой личности, как горячий призыв к благородству духа, как выражение горячей ненависти ко всему рабскому, пошлому, темному, унижающему достоинство человека.

Н. КАЛИТИН.

Комедия «Горе от ума» в течение 120 лет своего исторического существования не только не утратила своего значения, но сохранила силу могучего идейного влияния на людей разных поколений, разных убеждений и разных эстетических вкусов.

Комедия Грибоедова осталась бессмертной и доныне, конечно, не только потому, что в ней с громадной силой и страстью разоблачены «враги» современности и реакционного общества стародворянской фамусовской Москвы. В комедии есть и другая сторона: в ней есть громадное поэтическое содержание, вмещенное в обаятельный образ Чацкого — смелого борца, вступившего в поединок с фамусовским миром.

Именно в связи с образом Чацкого — представителя новой, глядящей вперед, в будущее, России двадцатых годов прошлого века — Грибоедов выдвинул в своей комедии также глубокие и жизненно-важные темы, которые в течение всего XIX века служили темой переломной русской литературы и которые находят опору в исторической действительности. Именно Чацкий с его «возвышенными мыслями», бурным патристическим воодушевлением, проповедью ума и культуры, высоким представлением о гражданской чести, твердостью воли и общими благородством всего своего облика — внес в комедию тот животворный дух, ту ясную и смелую мысль, ту пламенную страсть, которая пробивается сквозь сатиру и по сей день вызывает мощный эмоциональный отклик.

Пушкин, прочитав «Горе от ума», написал Вестугеву: «В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напечатавший его мыслями, остроумия и сатирическими замечаниями».

Действительно, в комедии Грибоедова есть главное действующее и в то же время самое активное лицо — сам Грибоедов.

Пылкий, добрый и благородный Чацкий, разумеется, не автобиографический образ. Но во многом уступая живому Грибоедову. Но ему гениальный автор вернул некоторые из своих мыслей и чувств, на примере его горестной судьбы продемонстрировал свое понимание тех общественно-политических, философско-исторических и этических тем своего времени, которые стали темой его собственных душевных переживаний. Поэтому, выявляя идею проблемы Чацкого «Горе от ума», необходимо иметь представление о самом Грибоедове, о его характере и об основах его мировоззрения.

В характере Грибоедова, чрезвычайно оригинально и резко выраженном, была одна черта, отличавшая его от большинства современников. Это — непреодолимая склонность к активной деятельности. Меньше всего Грибоедов хотел наблюдать жизнь со стороны. Не оставался пассивным наблюдателем, по самому практическому участию в происходящем, быть творцом, трудиться — так он понимал назначение человека. Этой стороной своего характера (которая связана, отразившейся в образе Чацкого) Грибоедов оказывается очень близок нашему представлению о роли общественной практики человека.

Все, что мы знаем о Грибоедове, характеризует его как горячего патриота, выше всего ставившего интересы родины и видевшего жизненную задачу человека в неустанном служении народу. Он сам отдавал больше всех свои силы и способности «человека государственного», как его называли современники. Не только великий поэт, но и выдающийся дипломат, он верой и правдой служил России и сложил за нее свою гениальную голову в далеком Иране, пав жертвой политической провокации.

Для Грибоедова, как и для всех передовых русских людей его времени, переживших великие испытания Отечественной войны 1812 года, чувство любви к родине, национальной гордости неразрывно связано с не менее пламенным чувством неприятия к самодержавию и крепостничеству, унижающим национальное достоинство России, глумившим все передовое и гениальное, что выдвигал русский народ.

Грибоедов с юных лет был теснейшим образом связан с кружками будущих декабристов. Он был своим человеком в этих кругах и, очевидно, состоял членом одной из ранних декабристских организаций. Грибоедов вступил в литературу в 1815 — 1817 гг., когда формировалось декабристское движение, когда шла напряженная идеологическая борьба между реакционными замкнутыми старыми порядками и провозвестниками новых освободительных идей.

А. С. ГРИБОЕДОВ. Портрет работы И. КРАМСКОГО.

общественные позиции. Декабристы и их друзья боролись за национальное самоопределение русской культуры, за ее «самобытность», и вся литературная практика Грибоедова была пронизана идеями сохранения самобытных основ русской культуры в ее исторически сложившихся формах.

В патристике Грибоедова не было ничего от пошляковской нетерпимости. Напротив: его пламенная любовь к России и ко всему национальному не только не противопоставляла ему культуру и нравы других народов, — в частности, народов, населявших Россию. Так, например, в одном официальном документе Грибоедов смело и широко ставил вопрос о сближении русских с «новыми их гражданами» в Закавказье, без различия языков и вероисповеданий, на основе «преследования взаимных и общих выгод» и «начертания законов, согласных с местными обычаями». Он прямо призывал правительство отказаться от «предрассудков» провинциальной исключительности и сравню благоприятно всем своим подданным, какой бы они ни были». Этой стороной своей действительности, еще мало изученной, Грибоедов явственно переключается с нашим временем.

Его мысль о том, что русскому народу чужды националистическая ограниченность и нетерпимость (по свидетельству современников он настойчиво выдвигал эту мысль), отвечает нашему представлению о дружбе народов.

Русскую культуру Грибоедов мыслит как один из участков общепланетного культурного движения, понимая ее в связи с культурным миром Востока и Запада. Но при этом, по убеждениям Грибоедова, она должна была оставаться именно русской национальной культурой.

Грибоедов, отлично знавший историю русского народа, ясно сознавал древность отечественной культуры и непрерывность ее развития. Он не только так прилежно изучал летопись. «Слово о полку Игореве» и народные песни, так живо интересовалась эпохой Петра; не только, во все будучи свитской, он любил бывать в церквях, потому что, как он объяснял, там «собираются русские люди: думают и молятся по-русски»; его «приводила в умиленье мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве...»

Уважение к древности и богатству национальной культуры, создающей русским народом в многовековых трудах и героической борьбе с врагами родины, со всей силой сказались в комедии «Горе от ума», где Грибоедов устами Чацкого объявляет «чуждый дух пустого, рабского, слепого подражания».

В этом обличении проявился не упрямый и узкий национализм, а прогрессивное стремление уберечь самобытность национальной культуры от растворения во внеш-

нем, модном, дворянском «европеизме», изпод которого вынырала азиатская дикость крепостничества. Грибоедов, как передает его современник, пытал глубокого презрения к «равнодушному ничтожеству, прикрывавшемуся лаком иноземной образованности». И сам Грибоедов, и его творчество, и «Горе от ума», и Чацкий — непонятны вне атмосферы 1812 года, самого великого события грибоедовской эпохи. Победа России в Отечественной войне показала всему миру национальный облик русского человека, подвела итоги целой полосы русской жизни и имела великое революционное значение. Отечественная война сыграла исключительную важную роль в формировании русского национального самосознания, не отделимом от общественной борьбы за свободу.

Творчество Грибоедова, проникнутое идеями утверждения свободы и достоинства человека, образно главные тенденции этого, революционно оформившегося национального сознания. Грибоедов запечатлел в комедии основной социальный конфликт своего времени — борьбу нового со старым, борьбу двух поколений, уже тогда начавшуюся борьбу «отцов» и «детей».

Знаменитый историк Ключевский имел все основания назвать комедию Грибоедова самым серьезным, политическим произведением русской литературы XIX века. Но «Горе от ума» безусловно также и самое национальное произведение русской литературы двадцатых годов. Белинский справедливо назвал его «первой русской комедией», в которой «все насколько проникнуто глубокой истиной русской действительности».

Народ упоминается в «Горе от ума» всего, но упоминается о нем многозначительно. Центральная тема комедии — тема «ума», от которого терпит горе благородный и свободомыслящий человек, — раскрывается в своем историческом значении только в свете овладевшей сознанием Грибоедова идеи народа как творца истории и создателя культуры.

В «Горе от ума» Грибоедов поднял голос в защиту жизнедеятельного творческого разума как основы культуры и просвещения. Вместе с тем он впервые в русской литературе выдвинул тему противоречия разума и «неразумной» действительности. «Умный» или «умиющий» в грибоедовское время называли человека не просто умного, но «вольнотомного», человека передовых убеждений. Чацкий — образ такого человека. Герцен правильно назвал его «декабристом». Грибоедов в своей комедии рассказал о судьбе именно такого умного человека, не пожелавшего примириться с правами и порядками фамусовского мира.

О том, как глубоки и оригинальны для своего времени были мысли Грибоедова о русском народе, о его исторических судьбах, о его борьбе за национальную культуру, о его будущем, — свидетельствует последний из пас замечательный сценарий план народно-героической драмы об Отечественной войне 1812 года, которую Грибоедов начал писать, но всем данным, после того, как было создано «Горе от ума». Судя по этому плану, Грибоедов в полной мере уяснил громадную роль Отечественной войны в становлении национального самосознания русского народа.

План драмы о 1812 году свидетельствует о том, что Грибоедов обладал глубоким историческим мышлением.

Его критический взгляд помог ему правильно понять и оценить значение народа как главной движущей силы истории.

Грибоедов выдвинул в своем творчестве такие темы, которые оставались действительными и в последующее время. Не только созданный им обширный галерея реалистически обобщенных типов стародворянской Москвы, не только чудесный язык Грибоедова жили и живут в народной памяти, но и его пламенная патристическая страсть, его вера в будущее России и русского народа. Всем своим творчеством Грибоедов утверждал идею национального величия русской культуры — самобытной, имеющей глубокие народные корни. Этой утверждающей стороной своего творчества Грибоедов был близок и дорог всем передовым деятелям русской литературы и общественной мысли. Герцен и Белинский, Чернышевский и Добролюбов развивали и доводили его мысли о России и русском народе. От Чацкого ведут свою родословную все гражданские герои классической русской литературы XIX века.

Волна, поднятая Грибоедовым в русской литературе, прошла сквозь весь XIX век. Она дошла и до нашего времени. Мы читаем «Горе от ума» или смотрим его в театре и чувствуем Грибоедова нашим современником, когда он объявляет пошлость и пошлость невежество и чванство во имя благородства и ума, культуры и свободы.

Великий Грибоедов и сейчас учит любить родину, родной народ и родину культуру. Он близок нам всем скалкой своей души и ума, всем содержанием своего творчества, глубоко национального по духу.

В. ОРЛОВ.

ИЗ ЛЕНИНСКИХ ЦИТАТ

Ни одно из произведений русской и западноевропейской литературы не цитировалось Лениным чаще, чем «Горе от ума». На протяжении своей 30-летней публицистической и ораторской деятельности Владимир Ильич десятки раз обращался к гениальной комедии. Характерно, что особенно часто Владимир Ильич цитировал «Горе от ума» в 1905—1908 годах и в 1917 году — в пору наиболее развернутой полемики Ленина с многочисленными противниками большевизма.

Ленин пользуется комедией Грибоедова прежде всего как великолепным памятником русского художественного слова. Всегда за Грибоедовым употребляет он слово «гиль» (I, 237) и такие выражения различных его героев, как «веченье, род недуга» (XII, 200), «дистанция огромного размера» (XVII, 449 и др.), «расудку вопреки» (XVII, 254), «в своей тарелке» (XVIII, 68), и множество иных, не менее «крылатых» выражений.

Вместе с ярким и полнокровным языком «Горя от ума» на страницах сочинений Ленина появляются грибоедовские персонажи. Среди них мы встретим Чацкого, Молчалина, Фамусова, Скалозуба, Лизу и Софью. Не все из этих людей названы Лениным по имени; но он несомненно пользуется ими как «шапками» русской действительности, внимательно учитывая особенности их социальной психологии, характерные черты их поведения. Однако Ленин не просто «воспроизводит» грибоедовские характеры; он переводит их в новый социальный план. «Фамусовщина» и «молчалинство» трактуются Владимиром Ильичем как явления политической жизни. Опираясь на образы Грибоедова и по-новому истолковывая их, Ленин показывает, какой живучестью обладают эти явления, впервые представшие перед нами в гениальном творении Грибоедова.

Говоря о расправе царского правительства со студентами, Ленин вспоминает созданный Грибоедовым образ арачьевского солдана: «Расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!» — эта формула несколько не устарела. Напротив, XX-му веку суждено увидеть ее настоящее осуществление» (IV, 70). В Скалозубе Ленин подчеркивает его непримиримую враждебность ко всему новому.

Столь же живучи и грибоедовский Ренетиллов. Ленин отменяет в этом персонаже его безусловную вредность. Ренетилловские вранье, чувствительные слова «о чести высокой» не имеют, конечно, ничего общего с подлинной общественно-политической борьбой. Цитируя одно из самых крылатых словечек грибоедовского героя, Ленин устанавливает современный политический эквивалент «ренетилловщины»: «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, ученых выкрик событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев» (V, 145). Говоря так, Ленин устанавливает прямую преемственность между Ренетилловыми и «революционным авантюризмом» начала XX века.

Вместе со Скалозубовым и Ренетилловым на страницах ленинских сочинений фигурируют и Фамусовы. Владимир Ильич рассматривает их как политических мещан, готовых «подлинать до невозможности» (X, 369). «Кумовство» побуждает современных Фамусовых так же, как это делали их предки, зашипать «своего человека», покровительствовать своим «сломочадкам», лаять-свистать перед нужными им людьми. Вместе с этим «наши Фамусовы» унаследовали от грибоедовского персонажа и страх перед общественной молвой: у них есть своя «кадетская Марья Александровна», осуждения которой они так боятся (XI, 26).

Всегда чаще Ленин использует образ Молчалина. Молчалиными, по Ленину, являются «люди скромных претензий и мелких расчетов» (XV, 113), все те, кто «составили умеренный и аккуратный устав развития революции...» (XXIII, 372). Пожалуй, ни одним своим литературным образом Владимир Ильич не заклеймил с такой силой явление политического оппортунизма. Словечко «молчалинство» фигурировало в произведениях Ленина как синоним политической трусости, покорности, низкопоклонства. Он с величайшим презрением говорил о вреде в политике «векливости, осторожности, бережливости, дипломатичности, тактичности, молчаливости и прочих молчалинских добродетелей» (XI, 29).

В том же плане общественно-политической сатиры использует Ленин мысли Чацкого. Он часто вводит в свои статьи и речи иронические и саркастические реплики грибоедовского героя. Многократно пользуется Владимир Ильич выражением «А судьи кто?», всякий раз вкладывая в него уничтожающую силу презрения к многочисленным противникам большевизма. Еще чаще употребляет Лениным другое выражение Чацкого: «Смешивать два эти ремесла есть тьма искусств...» — и не из их числа». Эти саркастические слова служат Ленину для обозначения многочленности перебежчиков из других партий, всех тех, кто «стыблими» формулировками стремился затуманить глубочайшую разницу между революционной теорией и оппортунизмом: «Подменять идейную борьбу по серьезнейшим, кардинальнейшим вопросам мелкими драгатами в духе меньшевиков после второго съезда есть тьма отхожих» (XIV, 35). Еще чаще пользуется Ленин третьей репликой Чацкого: «Послушай, ври, да знай же меру!»; этот иронический совет Ренетиллову проходит буквально через всю ленинскую публицистику, обращаясь к народникам, меньшевикам, всякого рода ревизионистам.

Охотно обращался Владимир Ильич и к словам Софьи: «Шел в комнату, пошел в другую»; «Говорят, история любит иронию, любит шутить шутки с людьми. Шел в комнату — пошел в другую. В историю это бывает постоянно с людьми, группами, народами, которые не понимают, не сознали своей настоящей сущности...» (XVII, 482). Так грибоедовский образ еще раз служит задачам сложного политического обобщения.

Нам остается указать на характерную реплику служанки Лизы: «Минуту нас пуще всех печалей, и барский гнев и барская любовь». Ленин дважды употребляет эту реплику: один раз в защиту русских крестьян, другой — для характеристики «балканских народов», сделавшихся объектом сложной игры империалистических держав (XVI, 158).

Таковы цитаты Ленина из «Горя от ума». Ленин ни разу не задерживается на них со своими комментариями: образы Грибоедова, так сказать, вступают в борьбу «с хода». Из разрозненных цитат на страницах сочинений Ленина как бы вновь складываются образы грибоедовских героев. Они становятся речью: образ Чацкого у Ленина, например, делается более непримиримым, наполняется ненавистью ко всякого рода примиренчеству и оппортунизму. Всюду Ленин переводит образы Грибоедова в новый план: его интересует не дворянская Москва, а современная ему политическая действительность.

Ленинские цитаты из «Горя от ума» лишены раз свидетельствуют об исключительной жизненной силе одной из величайших русских комедий. Они вместе с тем говорят и о том, что величайшее мастерство Грибоедова несколько не утратило своей силы. В нашу эпоху оно участвует в борьбе с явлениями старого мира и в строительстве новой, социалистической культуры.

А. ЦЕПЛИН.

Сцены работы В. КОНОВАЛОВА.